

На следующее утро, на рассвете, мы с Чу Шэчжи беседовали на одолженной нам кухне.

— Желтая и белая кожа — это жаргон работоторговцев. Желтая кожа означает девственницу, не познавшую мужчину, белая — наоборот. Я хорошо запомнил внешность того, с кем говорил управляющий Сунь, и собирался сегодня вечером проследовать за ними в поместье господина Цая, но этот банкет... — Чу Шэчжи глубоко вздохнул. — Боюсь, дело пахнет бедой.

— Если не брать в расчет малого вана и меня, ты ведь смог бы выбраться из поместья Маркиза, верно? — я раскатывал тесто и продолжал разговор. — Сколько времени тебе нужно, чтобы выяснить список причастных к хранению и перевозке Порошка Высшего Блаженства?

Чу Шэчжи потер нос:

— Если только искать, не задерживая — трех дней хватит.

— Хорошо, тогда я задержу его на три дня! — вода в котле закипела, и я опустил в него лапшу. — Сегодня вечером тебе нужно лишь обеспечить собственный уход, а с делами внутри поместья Маркиза, Усмиряющего Север, я разберусь сам.

— Но... — Чу Шэчжи хотел что-то добавить, но аромат еды отвлек его. Он принялся и подошел ближе: — Как вкусно! Что это? Вижу, ты с самого утра возишься на кухне.

— Это вегетарианская лапша четырех сокровищ. Раз уж я в роли заложника, не стоит утруждать похитителей заботой о моем пропитании. — Я выловил лапшу, ополоснул ее в холодной воде и полил заранее приготовленной подливой. — Хочешь попробовать?

Чу Шэчжи с энтузиазмом притащил табурет и сел у плиты:

— Конечно! Еще когда я навещал мастера Тяньцзина, слышал, что вегетарианская кухня в храме Белого Дракона Фанлань — лучшая в мире. А приехал — оказалось, мастер умеет готовить только жидкую рисовую кашу. Должно быть, все те блюда, что так хваливали, готовил ты, Цзюцзянь?

— Верно. — Я наполнил для него миску. — Учитель не то чтобы умел готовить только кашу, просто он признавал лишь варку и готовку на пару. Я с детства жил с ним и смотрел, как он по очереди варит капусту, зелень и прочие овощи. Позже я уже не мог на это смотреть, соорудил ступеньку у плиты, чтобы дотягиваться до огня, и начал готовить сам, потихоньку придумывая рецепты. А когда подрос, стал готовить подношения и для паломников.

— Четыре сокровища — грибы сянг, сушеные побеги бамбука, древесные грибы и масляная лапша? — Чу Шэчжи отправил порцию в рот и блаженно прищурился. — Как свежо и вкусно! Цзюцзянь, будь ты женщиной, я бы даже монахиней тебя домой забрал!

— ... — Я посмотрел на него с невыразимым чувством. Галантный рыцарь, лысый монах,

шуточки про монашескую стряпню — элементов было слишком много, и казалось, будто часть забытых воспоминаний начала пробуждаться. — Позволь спросить: у тебя случайно нет другого имени, например, Чу Люсян?

Чу Шэчжи озадаченно ответил:

— Чу Люсян? Звучит неплохо, очень по-рыцарски, но такого имени у меня нет.

Я дернул уголком рта. И правда, мое монашеское имя тоже не Ухуа. Но впредь, странствуя по миру, нужно быть осторожнее. Не дай бог еще прилипнет прозвище вроде Удивительный монах Цзюцзянь, а то так и до неприятностей с законом недалеко.

Видя, с каким аппетитом он ест, я и сам повеселел. Присел рядом и принялся за свою порцию:

— Интересно, как там учитель один в храме? Не перешел ли он снова на вареные овощи?

Чу Шэчжи помедлил и тихо усмехнулся:

— Вы с мастером Тяньцзином очень близки. Раз так, тем более береги себя. Если ты поранишься в пути, он будет очень горевать.

Я посмотрел на него:

— Сейчас ты совсем не похож на того легкомысленного рыцаря из слухов. Скорее, на странника, тоскующего по дому.

— Тоскую по дому? — Чу Шэчжи приподнял бровь. — У бродяги нет дома.

Я не стал спорить:

— Правда? Но твои слова не похожи на слова человека, о котором некому беспокоиться.

— ...Были такие люди. — Чу Шэчжи подцепил кусочек гриба, долго рассматривал его, словно драгоценность, и лишь потом съел. — У меня было два дома. Один меня выгнал, а из другого я решил уйти сам. — Он внезапно рассмеялся: — Ну ты и монах, ни в чем не уступишь! Вчера я случайно задел твое прошлое, а сегодня ты уже выведываешь мое. Но я не верю, что ты ничего не знаешь обо мне.

Я равнодушно пожал плечами:

— Любопытство свойственно всем. Я не выложил тебе всего, так что и ты не обязан.

Чу Шэчжи вдруг подался вперед, так что я почувствовал тепло его дыхания:

— А если я признаюсь, что чувствую себя одиноким, брошенным и уязвимым, что ты скажешь?

— Он склонил голову набок и поднял палец: — Ты, юный монах, явно неопытен, так что подскажу: в такой момент стоит сказать Я рядом, и слушатель будет глубоко тронут.

Я с трудом подавил желание закатить глаза и невозмутимо ответил:

— Я не скажу Я рядом. Я лишь посоветую тебе постричься в монахи.

Чу Шэчжи замер, а затем расхохотался:

— Ха-ха-ха, прости, ха-ха-ха! Я аж забыл, что хотел сказать! Цзюцзянь, ты невероятно забавный!

Я безмолвно вздохнул:

— Похоже, ты не раз применял этот прием. В минуты слабости такие слова действительно подкупают, но по сути — это ложь, которая рассыпается от одного прикосновения.

Он посмотрел на меня с нежностью, словно на неразумное дитя:

— Но порой людям нужно лишь мгновение тепла, и они готовы принять его, даже зная, что оно фальшиво.

Мне стало неприятно от такого взгляда, и я отвел глаза:

— Возможно, господин Чу прав. Но я считаю, что эти два слова слишком тяжелы. Никто не может сопровождать другого всю жизнь: родители, дети, братья, супруги... Мы расстаемся из-за жизненных невзгод или уходим в свой срок, и с этим ничего не поделаешь. — Я закрыл глаза и прочел короткую молитву. — Господин, обещания лучше не давать попусту, особенно тому, кто слаб. Стать для кого-то единственной опорой — не благо. Если не можешь быть рядом в каждый миг, когда человек будет в тебе нуждаться, не произноси этих слов.

Чу Шэчжи замолк. В воздухе повисла тишина, и я в душе упрекнул себя за поспешность. Зачем спорить о том, где нет правых и виноватых? Это лишь создает неловкость.

— Пахнет листьями лотоса.

Он первым нарушил молчание, чтобы сгладить атмосферу. Я с облегчением поднялся и приоткрыл крышку пароварки:

— Это рисовый пирог с желтым просом. Не нашел подходящей посуды, поэтому попросил листья лотоса. Сейчас они еще горячие, не успели остыть. Хочешь попробовать?

Чу Шэчжи принял пирог. На аккуратно обрезанном листе лотоса лежал невзрачный желтый квадрат:

— Разве рисовый пирог не делают из двух видов риса — желтого и белого?

— Белый клейкий рис у поваров закончился, а просить управляющего докупать я не стал. Думаю, из одного желтого проса тоже неплохо. — Я нарезал остатки и поставил их охлаждаться у колодца. — На Северо-Западе так не готовят, просо здесь не очень свежее, поэтому я добавил немного тыквы для цвета. Не знаю, как на вкус.

— Сладость в самый раз, — Чу Шэчжи откусил кусочек. — Невзрачный на вид, но вкус отличный. А аромат лотоса придает свежести. И горячим он тоже хорош. — Он доел пирог и вдруг помахал кому-то рукой: — Девушки, вы уже давно наблюдаете. Не хотите попробовать мастерство учителя Цзюцзяня?

Он повернулся ко мне:

— Цзюцзянь, не будешь в обиде, если я угощу их за твой счет?

— Конечно, нет. Я приготовил много, хотел отблагодарить поместье за то, что позволили мне здесь хозяйничать. — Я наполнил корзинку и передал подошедшим служанкам, не заботясь о том, присланы ли они следить за нами. — Если не брезгуете, возьмите угоститься.

Как и ожидалось, вскоре пришел вчерашний ученый в синем, Тао Янь. Только сегодня он был в фиолетовом, что выглядело чуть богаче:

— Рыцарь Чу, учитель Цзюцзянь, доброго утра!

Он поздоровался и принялся оглядывать нас с видом, будто делает это невзначай:

— Ха-ха, вы вчера не только спали вместе, но и завтракаете вместе, отношения у вас и правда отличные!

Чу Шэчжи снова вытащил свой веер:

— Ха-ха, засиделись за партией в шахматы, вот и лень было возвращаться. Господин Тао, вы по какому делу?

— Вчерашний инцидент прояснен. Обычный воришка, а напугал дорогих гостей, все это по моей вине. Маркиз приказал мне немедленно отправиться в Обитель Лотоса и принести извинения, не ожидал застать вас здесь. — Тао Янь принял и посмотрел на плиту: — Видел, как служанки несли ваши пирожные, не откажете ли мне в чести отведать их?

Я с улыбкой пригласил его:

— Продукты и кухня предоставлены поместьем, а мое мастерство невелико, так что угощение вышло грубым. Буду рад, если вы сочтете его достойным.

Мы с Чу Шэчжи наблюдали, как Тао Янь уплетал лапшу, нахваливая ее на все лады. Я не верил ни единому его слову и, когда он собрался уходить, точно так же вручил ему корзинку с пирожными.

Чу Шэчжи спросил:

— Как думаешь, он станет их есть?

Я усмехнулся:

— Такую простую народную еду? Скорее всего, сначала проверит на наличие отравы, а потом раздаст другим.

Он скривил губы:

— Жаль.

Я посмотрел вслед уходящему Тао Яню:

— Не так уж и жаль.

— Кэ'эр, учитель Цзюцзянь, что читал вчера сутры, приготовил завтрак. Хочешь попробовать?
— незнакомая служанка постучала в дверь Тянь Кэ'эр. — Они все накиннулись, но я специально поберегла для тебя кусочек. Ешь скорее!

Тянь Кэ'эр удивилась:

— Ты...

Не успела она договорить, как служанка всучила ей завернутый в лист лотоса пирог и умчалась, как заяц.

Тянь Кэ'эр почувствовала, что сверток какой-то плотный, будто внутри что-то спрятано. Она изменилась в лице, быстро закрыла дверь и развернула лист.

Пирог был завернут в два слоя листьев, а между ними лежала тонкая промасленная бумага с двумя строчками: Сегодня вечером иди к управляющему Суню, чтобы проникнуть в поместье Цая, сможешь сбежать. Цзюцзянь.

Тянь Кэ'эр прижала бумажку к груди, ее била мелкая дрожь. Она глубоко вздохнула и осторожно сожгла записку.

Управляющего звали Сунь Цюань. Тянь Кэ'эр знала его — именно он когда-то рассказал ей о молодом господине, поэтому она доверяла написанному. Она медленно села на кровать, приказывая себе успокоиться.

Правда ли это? Можно ли доверять учителю Цзюцзяню? Сможет ли она выбраться из этого ада? Если ее обманут, она погибнет окончательно. Стоит ли рискнуть?

— Она рискнет.

<http://bllate.org/book/22245/2325294>